

помогает не только сломать привычные стереотипы – исторические, культурологические, – но и найти истину. «Ушедшие оставляют нам часть себя, чтобы мы ее хранили, и нужно продолжать жить, чтобы и они продолжались. К чему, в конце концов, и сводится жизнь, осознаем мы это или нет. Мы – это они...»¹⁶

¹⁶ Из речи И. Бродского, произнесенной на вечере памяти Карла Проффера (Beinecke, Box 29, Folder 8).

А. П. Яковлева

ДЕВЯТЬ АРЕСТОВ СВЯЩЕННИКА НИКОЛАЯ СОКОЛОВА ИЗ СОЛЬВЫЧЕГОДСКА¹

Жизненный путь протоиерея Николая Соколова был обычен для священника первых четырех десятилетий XX столетия. Как многие представители духовенства того времени, он родился в многодетной семье, где из поколения в поколение мужчины были священнослужителями, а женщины – женами священников. Как большинство священников дореволюционной России, после окончания духовной семинарии он служил сначала псаломщиком, затем был рукоположен в диакона и в иерея, а закончил свое служение протоиереем. Ему, как и большинству священников послереволюционных лет, пришлось претерпеть обыски, аресты, ссылки, заключение.

Жизнь Николая Соколова наглядно иллюстрирует основные события, происходившие в Русской Церкви в первые четыре десятилетия XX в. В то же время этот священник, несомненно, – один из самых ярких представителей стойкого исповедника веры, защитника Церкви во времена гонений. Будучи рядовым приходским священником, он возглавил сопротивление антицерковным гонениям первых послереволюционных лет, затем – борьбу с обновленческим расколом не только в своей местности, но и по всей епархии. Немногим священнослужителям удалось пережить 9 арестов, более 40 обысков.

Тяжелейшие испытания не сломили священника, после очередного ареста он вновь и вновь продолжал свою борьбу с безбожной властью. Вся жизнь отца Николая

¹ Мне хотелось бы выразить благодарность сотруднице архива Регионального управления ФСБ по Архангельской области Дудолодовой Наталье Александровне, без ее всесторонней помощи подготовка доклада была бы невозможна.

Илл. 1. Мама священника Н. Соколова Пульхерия Леонтиевна и его сестры Людмила, София, Надежда и Юлия. Фото из архива Н. Шугриной

Соколова была проповедью служения Богу.

Николай Соколов родился 27 апреля 1873 г. в городе Сольвычегодске Вологодской губернии в семье священника Варженской Иоанно-Богословской церкви Устюжского уезда Александра Владимировича Соколова. Оба его деда также были духовного звания. Дед со стороны отца, Владимир Платонов Соколов, служил дьячком в церкви святого мученика Трифона на реке Уфтюге Кадниковского уезда Вологодской губернии,² дед по материнской линии, Леонтий Попов, – диаконом Ратмеровской Ильинской церкви Устюжского уезда.³ У родителей Николая Соколова, Александра Владимировича и Пульхерии Леонтиевны, родилось 9 детей: 5 сыновей и 4 дочери⁴ (илл. 1). Николай был 4-м ребенком в семье.

Все сыновья семьи Соколовых стали священниками. Старший Виктор обучался в Московской Духовной академии,⁵ 2-ой сын Леонид после окончания Вологодской семи-

² Архивная справка. Государственное учреждение «Государственный архив Вологодской области». С. 1. Предоставлена Н. Шугриной.

³ Клировые ведомости Варженской Иоанно-Богословской церкви Устюжского уезда за 1890 год. Предоставлены Н. А. Дудолодовой.

⁴ Архивная справка. С. 1.

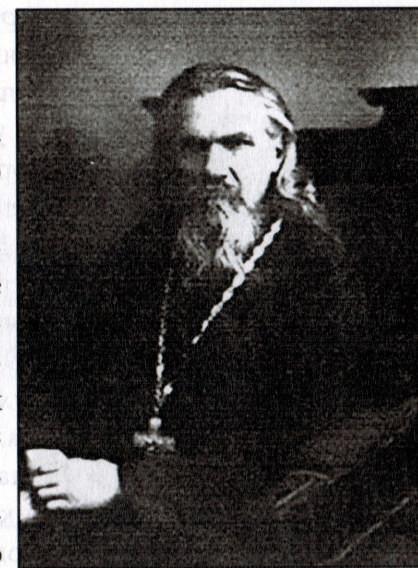
⁵ Там же. С. 1.

нарии был оставлен в ней преподавателем – профессорским стипендиатом, в 1907 г. он был переведен на службу в Киевскую женскую гимназию Ведомства Императрицы Марии. Леонид – автор 5 публикаций.⁶ После 1907 г. судьба Виктора Александровича не прослеживается. 3-й сын Соколовых Александр (илл. 2) был священником и преподавателем при Александро-Маринском приюте г. Вологды до 1912 г., затем – священником Усть-Рецкой Николаевской церкви в той же губернии. В 1928 и 1930 гг. «за контрреволюционную агитацию» он содержался под стражей, в 1932 г. высылался на 2 года, затем возвратился из ссылки в свой приход. В 1937 г. о. Александр был вновь арестован за проведение тайных богослужений, заключен в ИТЛ на 10 лет, дальнейшая судьба Александра Соколова неизвестна.⁷ Установлено лишь одно место служения младшего сына семьи Владимира – Николаевская церковь Вохтомского прихода Кемского уезда Архангельской губернии (ныне Республика Карелия).

Все сестры Николая Соколова – София, Людмила, Надежда и Юлия – вышли замуж за священников. Одна из до-

⁶ <http://greatrussianpeople.ru/info/11975.html/>. Доступ: 1.07.2015.

⁷ За веру Христову: Духовенство, монашество и миряне Русской Православной Церкви, репрессированные в Северном крае (1918–1951). Биографический справочник / Сост. С. В. Суворова. Архангельск, 2006. С. 517.

Илл. 2. Священник Александр Соколов. Фото из архива Н. Шугриной

Илл. 3. Семья Ю. А. Вороновой, сестры Н. Соколова. Фото из архива Н. Шугриной

черей, Юлия, была замужем за священником Бобровской Николаевской церкви Устюжского уезда Сергием Андреевичем Вороновым (илл. 3). У них с мужем было 12 детей.⁸

Как уже было сказано выше, путь Николая Соколова к сану священника был обычен. В 1893 г. он окончил Вологодскую Духовную семинарию и сразу стал трудиться псаломщиком в Спасовсеградской церкви г. Великого Устюга. С 1896 по 1906 г.

Соколов служил помощником Вологодского епархиального миссионера по 1-му округу

Великоустюжского викариатства.⁹ В 1906 г. он был рукоположен в священники и до ареста в 1920 г. служил во Владимирской церкви г. Сольвычегодска.¹⁰ Женой иерея стала Александра Николаевна Соколова, 1877 г. р., дочь учителя (илл. 4). В семье Соколовых родилось пятеро сыновей: Михаил (5.11.1898), Александр (29.06.1907), Николай (1909 г.р.), Сергей (30.05.1912)¹¹ и Дмитрий, на год младше Сергея¹² (илл. 5). К 1922 г. отец Николай овдовел и один воспитывал трех младших сыновей, с ним проживали мама и теща Софья Дмитриевна, которая в старости полностью ослепла.

⁸ Архивная справка. С. 2.

⁹ <http://parishes.mrezha.ru/clergyL.php?id=2771>. Доступ: 16.05.2015.

¹⁰ За веру Христову. С. 517.

¹¹ <http://parishes.mrezha.ru/clergyL.php?id=2771>. Доступ: 16.06.2015.

¹² Архив Регионального управления ФСБ России по Архангельской области. Дело П-7756. Л. 5.

Илл. 4. Николай Александрович Соколов и Александра Николаевна Соколова (Попова). Фото из архива Н. Шугриной

Илл. 5. Священник Н. Соколов с семьей. Фото из архива Н. Шугриной

Сохранилось мало сведений о служении отца Николая до 1917 г. Кроме вышеназванных мест службы известно лишь, что он в 1911 г. был награжден орденом Святой Анны 3-й степени.¹³

Революционные потрясения нарушили сложившиеся устои, внесли немалое смятение в души верующих. О своем видении послереволюционной ситуации и отношении к ней священник Николай Соколов, будучи благочинным 1-го округа Сольвычегодского уезда, пишет в рапорте за 1917 г. Алексею (Бельковичу), епископу Великоустюжскому и Усть-Вымскому, сщмч.

Следует отметить, что все отчеты, письма, воззвания, обращения, написанные священником (а их немало сохранилось в следственных делах), отличает духовная рассудительность, глубина, содержательность, широкий кругозор и

¹³ Дело П-7756. Л. 3.

в то же время в них, несмотря на трагизм происходившего, нет никакого пафоса и надрыва. Все эти документы характеризуют автора как человека высокой культуры.

В отчете благочинный сообщает епископу: «Громкий клич не верить духовенству, долой попов, не нужно никуда их при новом устройстве счастья народного – клич, провозглашенный дерзко, иногда с кощунственными ругательствами даже на святых угодников Божиих и даже самого Бога – этот клич произвел ошеломляющее впечатление на наш народ – народ замкнулся в себе, не зная, кому верить. Многие не устояли в правде и во множестве впали в нечестие». Далее он сообщает о многочисленных случаях захвата крестьянами уезда церковной собственности. С горечью, но без всякого обличения захватчиков, он добавляет: «Все они не враги мира, не враги Христова учения. Это просто бедные люди, сбитые с толку «мудрецами века сего», через которых и пришел весь соблазн и искушения на род наш. Но ведь нужда есть придти соблазнам, так вещает наш Спаситель и не наше дело, не дело нас рядовых пастырей метать громы на соблазнительей, им воздаст Господь. На нас же лежит забота охранять от грядущих соблазнов вверенное нам стадо словесных овец, проповедовать о братолюбии до любви к врагам, до решимости за благо ближним отдать даже свою жизнь, о милосердии, о воздержании, о тленности земных благ, о ничтожности временного по сравнению с вечным, вот исходные пункты нашей проповеди в последнее время, как и всегда».

Он объясняет причину массового отпадения от веры и впадения в грех и одновременно предлагает свой способ вразумления вероотступников: «Мятущееся море житейское, вынесшее на вершину бушующих волн и гордость житейскую, и похоть очес, и зависть, и самолюбие готово показать их как бы некие добродетели, настолько ожесточило и затемнило сердца значительной части наших пасомых,

что они не могут вместить слов обличения, даже чувствуя их безусловную правоту. Таким только и может быть предложено слово любви Христовой».¹⁴

Деятельная любовь к ближнему – высший подвиг в христианстве. Принципом всепрощающей и деятельной любви отец Николай Соколов руководствуется всю свою жизнь. Он – истинный пастырь, который зорко пас стадо в трудное для церкви время гонений. Пастырь ищет все возможные пути для защиты верующих и сохранения церковной жизни в этот тяжелейший период.

6–8 февраля 1918 г. по инициативе священника было образовано объединенное Совецание приходских советов г. Сольвычегодска, которое он сам возглавил. В состав Совецания вошло осведомительное бюро. Его целью стало ознакомление верующих с основными событиями в церковной жизни страны, после того, как они лишились возможности получать сведения централизованно, так как Синодальная типография в Петербурге в январе 1918 г. была реквизирована. Вскоре от имени Совецания священник обратился к сольвычегодской пастве с воззванием, в котором призвал ее присоединиться к Совецанию и пожертвовать деньги на поддержку бюро. Воззвание заканчивалось словами: «Церковные люди, не жалейте средств. Ведь все равно, если мы дружно не встанем на защиту своего дела, эти средства от нас будут отобраны». В типографии Шишкина г. Сольвычегодска по его заказу было отпечатано 4200 экземпляров воззвания.¹⁵

Воззвание послужило причиной первого ареста отца Николая, который произошел в ночь на 1 марта 1918 г. У него на квартире был изъят 1031 экземпляр документа. Остальные он успел распространить в городе и разослал по уезду.

¹⁴ Дело П-7756. Л. 10–10 об.

¹⁵ Там же. Л. 24.

В следственном деле хранится и обращение объединенного Совецания церковно-приходских советов г. Сольвычегодска в «Сольвычегодский Уездный Съезд Крестьянских депутатов» от 10 февраля 1918 г., подписанное Николаем Соколовым как председателем Совецания. В нем верующим разъяснялась неправомерность «Декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви»,¹⁶ опубликованного 23 января 1918 г., и Приказа по Народному Комиссариату Общественного Призрения РСФСР «О прекращении выдачи средств на содержание церквей, часовен, священнослужителей и на совершение церковных обрядов»¹⁷ от 20 января того же года. В заявлении говорилось о том, что объединенное Совецание 6 февраля ознакомилось с этими законодательными актами и, «повинуясь громкому велению совести, заявляет, что эти акты вместо объявленной «свободы совести» устанавливают полное насилие над совестью верующих». Священник пишет о том, что нет основания отнимать у при-

¹⁶ Декрет заложил основы будущего бесправного положения Церкви. Он предписывал национализацию всего церковного имущества, согласно Декрету, религиозным обществам запрещалось владеть собственностью, лишались они и права юридического лица. Эти положения противоречили первому положению того же декрета, в котором заявлялось, что религия есть частное дело граждан, однако частные общества сохраняли свои права. Поместный Собор охарактеризовал Декрет как злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против него гонения.

¹⁷ Декрет гласил: «Выдачу средств на содержание церквей, часовен и совершение церковных обрядов прекратить, выдачу же содержания священнослужителям и законоучителям прекратить с 1 марта сего года... Безработному причту, выразившему желание работать на благо народа, может быть предоставлена работа по Комиссариату государственного призрения. Церковные службы и требы могут продолжаться при условии возбуждения ходатайства коллективами верующих с обязательством принятия на себя ремонта и содержания помещений, инвентаря и служащих». Приказ подписан Наркомом государственного призрения А. Коллонтай.

ходских общин имущество и объявлять его достоянием народа, так как «эти предметы собраны и заведены на копейки того трудового народа, который иногда с великими лишениями нес свою жертву церкви». Недоумевает он и о положении декрета, где говорится о лишении религиозных общин прав юридического лица, замечая, что «общество потребителей (группа граждан) могут иметь собственный капитал, собственный товар и т. д., общественное собрание (клуб) имеет свои средства, свой рояль, свой бильярд и т. д.». И ему совершенно непонятно, почему «закон Божий повсеместно должен быть изгнан из всех школ и вера отстранена от воспитания народного». Он задает справедливый вопрос: «Разве школа не народная и не на средства ли народа она содержится?» – и утверждает: «Народ наш живет верой, вера только и поддерживает его в тяжелые дни испытаний, вера смягчает нравы народные, без веры не может быть никакого благоустройства в жизни, без веры лучше не жить».¹⁸

В своем воззвании священник смело заявляет: «...во имя исполнения сатанинского замысла ныне Совнаркомом издан декрет, коим узаконивается открытое гонение как против церкви православной, так и против религиозных обществ христианских».¹⁹

Обращаясь к съезду, он предлагает возможный выход из ситуации и указывает на то, что «ныне существующий порядок управления Русской землей допускает и позволяет широкое самоопределение отдельных самоуправляющихся единиц, каковым в данном случае является наш уезд, и представители уезда могут своим решением проявить это самоопределение», для того, чтобы «созданные верой народной храмы были неприкосновенны для святотатственных рук», и просит о том, чтобы съезд депутатов своей волей устано-

¹⁸ Дело П-7756. Л. 78.

¹⁹ Там же. Л. 166.

вил порядок на местах... и дал наказ избираемому ими совету, как органу власти прекращать всякие насилия и бесчинства над церковными учреждениями».²⁰

Борьба за сохранение церковной жизни в уезде стала смыслом жизни священника. 14 февраля на съезд крестьянских, рабочих и солдатских депутатов в г. Сольвычегодске была внесена резолюция от объединенного совещания приходских советов этого города (этот документ тоже был изъят у Соколова при обыске). В резолюции говорилось, что совет постановил «декрет о свободе совести» и приказ комиссара призраения А. Коллонтай не приводить в исполнение в Сольвычегодском уезде, так как они «могут быть осуществлены только путем насилия над верующими». Предлагалось заменить их новым законом, где бы были положения о том, что «Церковь отделяется от государства и должна быть признана публичным институтом правового и общественного характера, верующим разрешается свободное исполнение обрядов, внутренняя жизнь церкви должна определяться порядком внутреннего самоуправления, государство не должно в нее вмешиваться, церковные общины должны пользоваться правом юридического лица, все, что отнято у церкви, по декрету возвращается ей, разрешено преподавание религии, которую исповедует большинство родителей учащихся».²¹

Николаю Соколову было предъявлено обвинение в печатании воззваний «с целью призыва населения к неподчинению распоряжениям Правительства РСФСР и в противодействии к осуществлению декрета об отделении церкви», а также в том, что «путем распространения этих декретов он возстановлял народ против Советской власти и мог вызвать среди населения вспышки волнений и беспокойств на почве религии». Все это квалифицировалось как политиче-

²⁰ Дело П-7756. Л. 79.

²¹ Там же. Л. 28.

ское преступление, предусмотренное п. А ст. 1 Инструкции Революционного Трибунала, и вследствие этого он подлежал суду Сольвычегодского Трибунала. Акт был утвержден 15/28 марта 1918 г. В следственном деле есть приписка о том, что священник «не считал нужным отвечать на вопросы и не пожелал оправдываться в своих преступлениях». Однако по недостатку улик дело было прекращено.

Смелый и бескомпромиссный священник, открыто бросивший вызов властям, несомненно, представлял для них особую опасность и долго оставаться на свободе не мог. Следующее столкновение Николая Соколова с советскими органами произошло уже через несколько месяцев. 11 августа к нему на квартиру явился ВРИО начальника милиции г. Сольвычегодска в сопровождении милиционеров, где был произведен обыск, при котором обнаружили и отобрали Циркулярный указ Вологодской Духовной Консистории за № 10. У священника была взята подписка «О неразглашении сего Циркуляра среди населения», а также о том, «чтобы они (священники – А. Я.) с амвона церковного и на собраниях не выступали по вопросам гражданским и политическим, не вмешиваясь, однако, в дела религиозные».²² Соколов отказался дать такую подписку. Более того, он написал заявление в советские органы о том, что подобное «отобрание и подписание есть ничем не вызванное грубое вмешательство гражданской власти в дело внутренней жизни церкви», так как отобранный Циркулярный указ «совершенно ясно говорит о восстановлении в Церкви церковной дисциплины и запрещает «людям церковным по делам внутреннего распорядка обращаться к гражданской власти, какая бы она не была». Соколов был уверен в том, что верующих уезда просто необходимо ознакомить с Циркуляром епархиальных властей (а в нем, судя по заявлению Соколова, содержались

²² Дело П-7756. Л. 26.

и документы Поместного Собора). Он пишет: «Все церковные люди должны быть ознакомлены со всеми постановлениями и определениями Собора через прочтение и разъяснение их на собраниях приходских советов» и добавляет, что «такое ознакомление требуется от служителей Церкви внутренней церковной дисциплиной и будет и должно выполняться несмотря ни на какие прещения извне, всеми возможными мерами». Совершенными нелепостью и бессмыслицей он считал требование не вмешиваться в дела религиозные. Отец Николай собирался обжаловать решение уездного Исполнительного Комитета в Губисполкоме.²³

В третий раз Николай Соколов был арестован в качестве заложника в следующем 1919 г. и отправлен в г. Великий Устюг, где пробыл в заключении 6–7 дней.²⁴ Обстоятельства этого дела пока неизвестны.

Четвертый арест произошел 4 февраля 1920 г. Священник был арестован Особым Отделом ВЧК, передан в распоряжение Ревтрибунала при штабе 6-й армии и отправлен в Вологду. Его обвинили в содействии побегу из Сольвычегодского арестного дома заключенных Достая и Голубцова в июне предыдущего 1919 г. Уликой являлось то обстоятельство, что накануне побега Соколов в тюрьме исповедовал и причащал Голубцова.²⁵

О том, как относились прихожане к своему пастырю, говорит их прошение в его защиту, отправленное в советские органы 20 марта, во время пребывания отца Николая под арестом. Они писали, что «знают означенного священника много лет по службе на приходе как священника редкой честности, бескорыстия и человеколюбия» и «считают своим нравственным долгом засвидетельствовать, что он нигде

²³ Дело П-7756. Л. 26–27 об.

²⁴ Там же. Л. 86.

²⁵ Архив РУ ФСБ России по Архангельской области. Дело П-7056. Л. 151.

ни разу не проявлял никаких выступлений против Советской власти... и все его речи направлялись исключительно к любви к Богу и к ближнему и были далеки от политики». Прихожане просили освободить Николая Соколова «под общую каждого из них поруку за него в том, что он никуда не уклонится от суда и следствия впредь до решения судебного процесса», а также они ручались за «лояльное отношение его к Советской власти». Просители писали, что без батюшки им никак нельзя, особенно в текущее время Великого поста, когда они особенно нуждались в его духовном руководстве, простосердечно добавляя, что «весь народ деревень уезда, еще не порвал духовной связи с Церковью и не оставил религиозных убеждений, привык проводить это время в посте и молитве».²⁶ Прошение подписали 158 человек. Поручительство за отца Николая, датированное 20 февраля 1920 г., подписали жители г. Сольвычегодска. Они заверяли власти, что «берут священника на поруки и ручаются, что он не будет уклоняться от суда и следствия».²⁷ Ходатайствовали за Соколова начальнику особого пункта ВЧК и в уездном исполкоме. Будучи настоятелем храма, он одновременно трудился в исполкоме делопроизводителем налогового подотдела финансового отдела. Его сослуживцы, прося освободить священника из-под ареста, писали, что «служащих не хватает, и Соколов является крайне необходимым работником».²⁸

9 апреля 1920 г. Ревтрибунал при Реввоенсовете 6-й армией рассмотрел дело гражданина Соколова, и «за абсолютным отсутствием данных изобличающих его в предъявленном обвинении» он был немедленно освобожден из-под стражи.²⁹

²⁶ Дело П-7756. Л. 182–182 об.

²⁷ Там же. Л. 158.

²⁸ Там же. Л. 118.

²⁹ Там же. Л. 187.

На этот раз на свободе священник пробыл полтора года. В пятый раз он был арестован и заключен в Сольвычегодский арестный дом 31 октября 1920 г. Николаю Соколову было предъявлено обвинение «в распространении листовок и в противосоветской агитации». Уполномоченный Сольвычегодского Политбюро «нашел гражданина Соколова как вредного элемента на время производства следствия изолировать для чего заключить под стражу».³⁰ Что это были за листки? Один из них – обращение к причтам и приходским советам церковью уезда. В нем отец Николай как председатель приходского совета объяснял верующим, что теперь, когда прекратились ассигнования на Церковь из Государственного Казначейства, все заботы по содержанию храмов и священнослужителей ложатся на самих верующих, и прежде всего от них самих зависит, будет ли у них церковная жизнь, и последовательно разъясняет, как ее следует наладить. Он пишет, что прежде всего причты и приходские советы должны определить тех, кто, даже «при всех признаках открытого гонения на Церковь Христову со стороны Правительства России, действительно принадлежит к Церкви Христовой», а для этого «путем личного опроса на домах... составить списки прихожан каждого прихода» и «работу завершить к середине сентября». Также он просит выяснить все вопросы, связанные с составом клира церковью, все ли исполняют свои обязанности, не произошло ли где-либо сокращения штатов и объединения причтов на местах и т. п.³¹ По убеждению священника, «все эти сведения необходимы, чтобы составить ясное представление о всех возможных в настоящее тяжелое время ненормальностях жизни, чтобы устранить эти ненормальности или хотя бы ослабить их».³² После получения всей

³⁰ Дело П-7756. Л. 81.

³¹ Там же. Л. 51–51 об.

³² Там же. Л. 52.

необходимой информации о прихожанах и клире, он предлагает наладить сбор средств на поддержание деятельности Церкви во всей Вологодской епархии, а для этого – установить подушный сбор с каждого прихожанина. Он советует «всем тем, кто признает себя верным чадом Церкви, внести в приходскую кассу по 20 коп. с каждого члена семьи за полугодие», и эти деньги затем предоставлять в Вологодский Епархиальный Совет (бывшую Консисторию), чтобы потом все церковные учреждения получали деньги централизованно из епархиальной казны. Он настоятельно рекомендует «в каждой церкви ныне же завести и каждый праздник обносить кружку «на общеeparхиальные нужды», для получения дохода развить деятельность свечного завода, взимать плату с тех, кто пользуется сведениями из метрических книг, брачных обысков и т. д.»³³ Он считает необходимым делать взносы и от каждой церкви – по 100 рублей, добавляя, что «этот взнос обязательный и уклоняться от него не должно». Заботится он и о вышедших за штат священниках и сиротах – детях священников, так как пенсий от казны они не получали с 1 января 1918 г. Соколов предлагает собирать с каждого псаломщика по 3 рубля, священника – 4, штатного протоиерея – 8 и из этих денег платить псаломщикам и дьяконам по 150, священникам – 300, протоиереям – 400 рублей в год.³⁴

Кроме этого он призывает обсудить сначала на благочинных собраниях, а затем на общем собрании духовенства и мирян в сентябре 1918 г. вопрос о выделении Великоустюжского викариатства в самостоятельную епархию.³⁵ Он предлагает соборно решить вопрос и об открытии в Устюге духовной семинарии с устройством при ней общежития.

³³ Дело П-7756. Л. 53.

³⁴ Там же. Л. 57–57 об.

³⁵ 3 сентября 1918 г. Великоустюжское викариатство было преобразовано в Великоустюжскую и Усть-Вымскую епархию.

Свое воззвание священник Николай заканчивает горестными словами: «...в тяжкие дни разрухи и нестроений последнего времени, когда возглашенное новое строительство жизни русского народа по грехам нашим выразилось и продолжает упорно держаться лишь разрушения всего, что было прежде, причем разрушается чаще всего не только худое, но и хорошее, и даже, пожалуй, хорошее-то – больше всего. Это разрушительное безумное стремление со всей силой направлено на Церковь. Но это дело суда истории, суда будущих поколений».³⁶

Отец Николай был освобожден 12 ноября 1921 г. под подписку о невыезде. Затем в связи с амнистией в честь 4-й годовщины Октябрьской революции он по суду был оправдан.³⁷

Находясь на свободе, 5/18 апреля священник пишет в Епархиальное управление и просит принять все возможные меры и ходатайствовать перед властями, чтобы из Устюга не высылали пресвитеров Богословского, Ильинского, Шилова, Шипулина, Углецкого и Кукина. Просит хотя бы отдалить их высылку. Он пишет: «Идите и просите хотя бы временного отдаления срока высылки, а дальше Бог покажет, как быть. Ищите мира, и будет мир. Сеющий ветер, пожнет бурю. В этом деле большую помощь может оказать уполномоченный ВЦУ».³⁸

Деятельная любовь Николая Соколова распространяется и на престарелых священников, и на сирот-детей, и на пастырей, находящихся в заключении.

Обстановка в епархии после начала обновленческого раскола была крайне сложной. В начале июня 1922 г. под председательством протоиерея Алексия Ермолаева в Великом Устюге был создан Епархиальный комитет «Живой Церк-

³⁶ Дело П-7756. Л. 56.

³⁷ Там же. Л. 166.

³⁸ Там же. Л. 91–92.

ви». Угрозами он вынудил правящего епископа Алексия (Бельковича) отказаться от управления епархией. Объявление об отказе было напечатано в газете «Советская мысль» 14 июня 1922 г. Епархиальное управление было вынуждено прекратить свою работу и сдать дела Комитету «Живой Церкви», таким образом административная власть в епархии оказалась в руках обновленцев. После направления Ермолаева «Живой Церковью» на другое место служения управление епархией перешло в руки некоего гражданина Яхлакова. В ноябре 1922 г. он был командирован Епархиальным Управлением в Москву за святым миром. Вернувшись без него, он объявил себя Уполномоченным ВЦУ (Высшего Церковного Управления — главного органа управления в обновленческом расколе). Он заставил епископа Алексия подтвердить свой отказ от управления Великоустюжской епархией с 6/19 марта и передать административную власть в епархии «организовавшемуся в Устюге с его благословения» комитету группы «Живая церковь» с 22 марта того же года. За собой владыка оставил лишь право хиротонисать священников до назначения ВЦУ нового епископа. Однако самого Яхлакова рукополагать епископ Алексей категорически отказался. Отказался рукополагать его и высланный в то время в ссылку в Яренск и приезжавший на богослужение в Котлас епископ Петр (Полянский).

Яхлаков создал Епархиальный Комитет из нескольких священников и мирян, под его руководством 12 апреля был созван Епархиальный съезд духовенства, на который явилось лишь 46 из 100 приглашенных делегатов. На съезде было избрано новое Епархиальное Управление. Яхлаков объявил на съезде, что епископ Алексей уволен на покой и вместо него назначен другой. Собрание делегатов не возражало против этого и предложило иметь в Устюге викарного епископа – и кандидатом предложило Николая Соко-

лова. Сам священник Соколов на съезде не присутствовал, ему были отправлены 2 телеграммы с предложением выразить свое согласие. На эти телеграммы Соколов написал два заявления в Епархиальный Совет, в одном из которых недоумевал, каким образом епархиальными делами распоряжается Яхлаков, и спрашивал, когда и при каких обстоятельствах Великоустюжская кафедра стала свободной; в другом – выражал согласие принять сан епископа, но от епископа старого посвящения. Оба заявления до Епархиального Совета не дошли, так как были перехвачены Яхлаковым. Затем Яхлаков уехал в Москву на обновленческий собор, прихватив с собой значительную сумму денег, поступивших из приходов в Епархиальное Управление. Во время его отъезда Епархиальное Управление заявило о начале своей работы, поместив объявление об этом в газете «Советская мысль» от 27 апреля 1922 г. В начале июля Яхлаков вернулся в Устюг в рясе, объявив себя протоиереем и Уполномоченным ВЦУ. Однако Епархиальное Управление заявило о своем нежелании работать с ним. Яхлаков пытался силой захватить канцелярию, но безуспешно. Тогда он создал свою канцелярию и объявил себя Председателем Епархиального Управления. Таким образом, с начала августа в Устюге действовало два Епархиальных Управления. Оба решили созвать свои съезды: новое, Яхлакова, – 15 сентября, старое – 16 сентября.

Однако Яхлаков перед съездом оставил свой комитет и скрылся из Устюга, распуслав слухи, что он распоряжением ГПУ выслан в Архангельскую губернию на 4 года. Слухи оказались ложными. На самом деле Яхлаков поселился в Лупьинском приходе Сольвычегодского уезда и незаконно служил там священником. После отъезда Яхлакова члены комитета «Живой церкви» отошли от него, принесли письменное раскаяние, и в комитете остался лишь один свя-

щенник. На съезд «живоцерковников» зарегистрировался также лишь один священник, который затем перешел в Епархиальное Управление и зарегистрировался на съезд 16 сентября.³⁹

Съезд открылся в назначенный день. Николай Соколов «как авторитетный и самый яркий тихоновец» был избран его председателем.⁴⁰ Съездом было решено признать Московский собор 1923 г. (это был съезд обновленцев – А. Я.) не Всероссийским Поместным Собором, а съездом обновленческих групп, и постановления его – незаконными и неприемлемыми, а также прекратить всякое общение с обновленческим Синодом и его местными органами и вступить в общение с Церковным Управлением при Патриархе. При активном участии Соколова по епархии распространялись листки с решением епархиального съезда, а также воззвания Святейшего Патриарха Тихона.⁴¹

Сразу после съезда отец Николай вновь был арестован. Это был 6-й его арест, к этому времени у него произошло 40 обысков. 9 октября священника освободили под подписку о невыезде. Вскоре после освобождения, а именно 27 октября, он составляет и отправляет на имя Патриарха Тихона доклад о состоянии епархии, в котором сообщает, что «Великоустюжская епархия не хочет стоять дальше на распутье, подвергаясь обуреванию грязными волнами разбушевавшегося житейского моря... и ходатайствует о восстановлении для нее канонического общения со всей Православной Русской Церковью, возглавляемой святейшим Патриархом».

Во многом благодаря Соколову церковная жизнь в епархии была возвращена в каноническое русло.

³⁹ Дело П-7756. Л. 112–115.

⁴⁰ Там же. Л. 166.

⁴¹ Там же. Л. 166.

Однако вскоре произошло его новое столкновение с властями, и вновь причиной послужила борьба с обновленчеством. Перед 20 ноября 1923 г. в Великий Устюг прибыл епископ Николай, назначенный на Устюжскую кафедру ВЦУ. Священник Соколов, находясь в то время в Сольвычегодске, подал телеграмму в епархиальный Совет следующего содержания: «Сегодня приехал Устюг обновленец Николай примите меры будьте тверды я еду Соколов». На епархиальном Совете было решено нового епископа не признавать и с обновленческими священнослужителями в общение не вступать, а общине кафедрального собора в Устюге было дано указание епископа Николая в собор для богослужения не допускать.⁴²

24 ноября 1923 г. по городу разнесся слух, что в Успенском кафедральном соборе Всенощное бдение будет служить вновь прибывший епископ, и около 5 часов вечера был слышен соборный звон, народ стал стекаться к собору, чтобы «молиться и послушать нового епископа». Однако храм был заперт, а на паперти скопилось большое количество народа, и в то же время «невьясненными темными личностями велась антисоветская агитация, и в результате этого толпа волновалась и выражала сильное недовольство, не зная, почему нет службы в соборе».

На следующий день священник Соколов был арестован, дома у него произвели очередной обыск. Отца Николая обвинили в том, что он «пользуясь авторитетом среди верующих своей антисоветской деятельностью мог повлечь за собой темные массы верующих, в результате чего могли быть недовольства, волнения». «Дабы прекратить дальнейшую антисоветскую деятельность», священника необходимо было, «руководствуясь § 6 п/т СООГПУ № 26374 от 9/11 1922 г. привлечь к ответственности в административном порядке по статьям 68, 72 и 125 УК через комиссию по

⁴² Дело П-7756. Л. 167.

административным высылкам».⁴³

Однако срыв богослужения епископа Николая стал лишь одной из причин ареста священника Соколова, и далеко не главной. За несколько дней до ареста, а именно 18 ноября, сотрудниками Северо-Двинского отдела ГПУ у некоего гражданина Шивринского была изъята переписка на 19 листах. Шивринский хранил документы Николая Соколова, который тот собирался собственноручно передать Патриарху Тихону при поездке в Москву. Среди изъятого было письмо Патриарху от епископа Великоустюжского Алексия с просьбой поставить в епископы Николая Соколова. Владыка писал: «...я почтеннейше ходатайствую Ваше Святейшество о возведении священника Соколова в сан епископа. По обстоятельствам времени, а также ввиду моих преклонных лет необходимо мне иметь помощника в сане епископа. Николай Соколов избран двумя епархиальными съездами, бывшими в апреле и сентябре сего года». В перечне изъятых документов значились также доклад Патриарху от Великоустюжской епархии, доклад ему же от Великоустюжского Епархиального Совета об утверждении кафедры епископа Сольвычегодского, викария Великоустюжской епархии, доклад о личном составе епархии и другие документы.⁴⁴ Из-за перехвата постановления съезда об открытии викариатства и о поставлении Николая Соколова в епископы не получили надлежащего движения. Из секретно-оперативного части (СОЧ) Северо-Двинского ГОГПУ в местный орган ОГПУ поступила срочная телеграмма о запрещении выезда Соколова, а вслед за этим – еще одна телеграмма от Уполномоченного ГОГПУ Сольвычегодского района об аресте Соколова, обыске его квартиры и предписании держать его под арестом до приезда начальника СОЧ. Это был седьмой арест отца Николая.

⁴³ Дело П-7756. Л. 167–167 об.

⁴⁴ Там же. Л. 126.

Священнику было предъявлено обвинение по статьям 68, 72 и 125 УК, но он вновь был отпущен под подписку о невыезде. Находясь под подпиской, он не мог отправиться в Москву для принятия сана епископа. Но Соколов продолжал бороться с обновленчеством в епархии, и с большим успехом. Это подтверждает доклад начальника Северо-Двинского ГООГПУ начальнику 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ, посвященный работе с церковниками в Северо-Двинской губернии за первую половину февраля 1924 г. В нем сообщалось, что в начале января 1924 г. обновленческая община верующих в Сольвычегодске насчитывала 80 человек. В ведение обновленцев по договору был передан Успенский собор, где в совершении богослужений вместе с епископом Николаем принимали участие священник, протодьякон и дьякон. В феврале же с епископом никто из них уже не служил, а обновленческая община верующих составляла лишь 14 человек. Причины отхода верующих от обновленцев докладчик объясняет тем, что «в Устюг приехал председатель епархиального совета священник Соколов и начал активно проводить свою деятельность в сторону противодействия обновленческому движению и пользуется большим авторитетом среди священнослужителей и верующих, он сразу остановил всю обновленческую работу, по его инициативе никто из священников не желает служить с обновленческим епископом, а также под его руководством идет распад обновленческой общины... и в общем результате обновленческое движение в Северо-Двинской губернии должно окончательно замереть».⁴⁵

Власти всеми силами старались изолировать отца Николая. В том же докладе говорится о том, что Николай Соколов «возможно судом будет оправдан» и ОГПУ ходатайствует о скорейшем направлении дела Соколова в комиссию по административным высылкам для «наложения на него наказания с обязательным

⁴⁵ Дело П-7756. Л. 168.

изолированием его из пределов Северодвинской губернии», объясняя это тем, что «при наличии его здесь работа по обновленческому движению долго не наладится», и ввиду такой активной деятельности Соколова «почти никакой работы по церковникам не проделано».⁴⁶ Эта история еще раз подтверждает теснейшую связь обновленческого движения с ОГПУ.

По постановлению Особого Совецания при Коллегии ОГПУ от 23 сентября 1924 г. Николай Александрович Соколов был заключен в концлагерь сроком на два года. Обвинение ему было предъявлено по статьям 69 и 119.⁴⁷ Соколов был отправлен на Соловки.

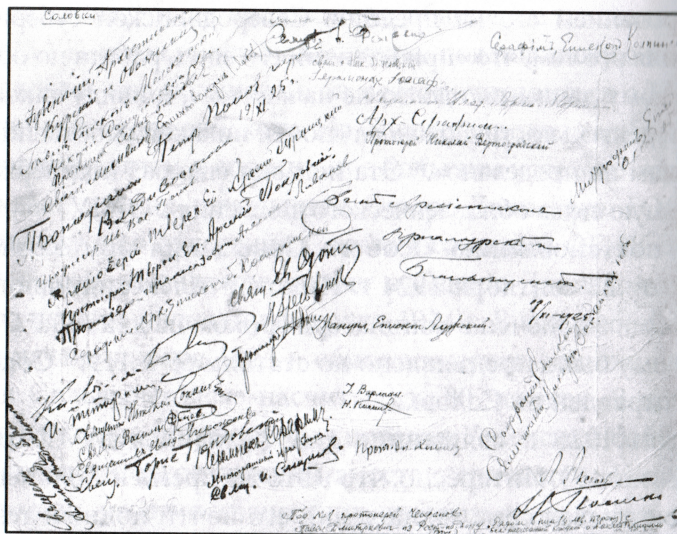
Летом 1926 г. священник еще находился на Соловках (илл. 6, илл. 7). Интересно, что в это же время в Соловецком лагере отбывал срок заключения его почти полный тезка –

Илл. 6. Духовенство и миряне – узники Соловецкого лагеря. 19 ноября 1925 г. Фото из архива В. П. Чехранова. Священник Николай Солоков – 5-й слева в третьем ряду

⁴⁶ Дело П-7756. Л. 168 об.

⁴⁷ Там же. Л. 171.

Илл. 7. Оборот фотографии от 19 ноября 1925 г.

протоиерей Николай Алексеевич Соколов из Московской епархии (Сергиева Посада).⁴⁸ Здесь в заключении он находился с 1924 по 1928 г.

После отбытия срока наказания отец Николай вернулся в Сольвычегодск и продолжил служение во Владимирской церкви (илл. 8). 15 февраля 1930 г. он вновь был арестован – уже в 8-й раз, во время проведения следствия содержался под стражей в камере при Котласском РИК. Вместе с ним были арестованы священники той же Владимирской церкви Тихон Чулков, Николай Кротиров, а также б. земский начальник Константин Васильевич Караулов и б. офицер Царского флота Павел Яковлевич Бачурихин. Все они обвинялись в систематической антисоветской контрреволюционной деятельности, «которую умело маскировали выступлениями против обновленцев». В обвинительном заключении говорилось, что «эти лица агитировали среди обновленческой

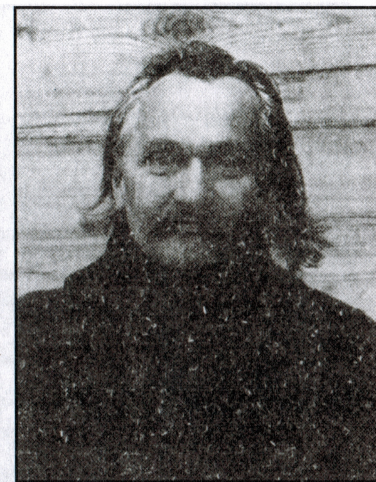
⁴⁸ Яковлева А.П. Список духовенства, заключенного на Соловках. 1921 (?) – 1926 гг. // Соловецкий сборник. Архангельск, 2014. С. 155.

общины, говоря: «Не ходите в церковь к обновленцу большевику, такие попы вас обновят.., эти обновленцы безбожники, большевики коммунисты опоганили церковь Устюгский епископ Николай обновленец, и его сторонники попы проводят в церкви новое, их нужно гнать, они большевики». Отцу Николаю Соколову вменялось в вину также то, что в своих проповедях он заявлял: «Советская власть неправильно учит детей, не дают им носить креста, бог есть, значит нужно носить кресты. Советская власть и коммунисты не верят в бога, и он их скоро накажет, вот уже хлеба не стало».⁴⁹ В обвинительном заключении указывалось, что «вся эта группа бывших людей ставила перед собой задачу восстановить более отсталую часть крестьянства против Советской власти, прикрывая свою деятельность религией и церковью, стараясь сорвать все производимые мероприятия советской власти, используя для этого некультурность и религиозный фанатизм верующих». Всем пятерым было предъявлено обвинение по статье 58/10 УК. Заседание Тройки при ПП ОГПУ Севкрая по внесудебному рассмотрению 30 апреля 1930 г. постановило выслать всех в Северный край сроком на 3 года, считая срок с 15/II 1930 г.⁵⁰

Сведений об отбывании наказания по этому приговору нет.

⁴⁹ Архив Регионального управления ФСБ России по Архангельской области. Дело-5550. Л. 66–67.

⁵⁰ Там же. Л. 70.

Илл. 8. Священник Николай Соколов. Фото из книги «За веру Христову». С. 520

Илл. 9. Панорама Великого Устюга

Известно, что в 1935 г. священник жил в Великом Устюге (илл. 9) и служил в церкви Иоанна Предтечи, являлся членом Епархиального Совета. 6 декабря 1935 г. он снова был арестован – в 9-й раз. На этот раз – как член контрреволюционной группы под руководством сщмч. епископа Великоустюжского Николая (Клементьева) (илл. 10). В группу, кроме епископа и священника Николая Соколова, входили священнослужители Дмитрий Куклин, Павел Авениров, Клавдий Тюрнин, Василий Шипулин, прислужник при церкви Николай Фиников и Василий Неронов, который занимался сельским хозяйством, а ранее также работал при церкви.

«Имеющимися в деле материалами следствия было установлено, что с приездом в 1933 году на управление Велико-Устюжской епархией проходящего по делу в качестве обвиняемого архиепископа Клементьева Николая Федоровича, последний организует вокруг себя наиболее реакционную антисоветски настроенную часть духовенства, с которыми под предлогом

заседаний епархиального совета, проводит систематические контр-революционные сборища, обсуждая на них вопросы противодействия мероприятиям Советской власти. В целях организации и расширения контр-революционной деятельности, Клементьев, помимо распространения директив, использовал также приезд в Великий Устюг периферийного духовенства, которым давал установки всеми мерами противодействовать закрытию храмов, использованию храмов под хозяйственные нужды, организовать массу на защиту церкви и религии от наступления безбожников». Следствием

Илл. 10. Сщмч. Николай Клементьев, архиепископ Великоустюжский. Фото из книги «Святые новомученики и исповедники в земле казахстанской просиявшие»

установлено, что все обвиняемые среди населения вели к/р агитацию, широко использовали в этих целях церковный амвон, с которого систематически организовывали к/р проповеди, а также насаждали среди окружающего населения террористические настроения. Обвиняемый Соколов на допросах заявил, что «по своим политическим убеждениям он не верит в строительство социализма, хранил у себя дома и переписывал стихи антисоветского содержания».⁵¹

Все обвиняемые причастными себя к антисоветской группировке не признали, проведение антисоветской агитации со своей стороны также не подтвердили.

⁵¹ Интернет ресурс: <http://vgd.ru/post,1720/60911/p1830649.htm>. Доступ: 2.07.2015.

Илл. 11. В таких саманных домиках в южном Казахстане жили ссыльные. Фото из книги «Святые новомученики и исповедники в земле казахстанской просиявшие»

Контрреволюционной группировке было предъявлено обвинение в том, что «являясь участниками антисоветской группировки духовенства, руководимой архиепископом-Клементьевым и среди своего окружения проводили антисоветскую агитацию».

Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 3 сентября 1936 г. осуждены: Клементьев Н. Ф. и Куклин Д.К. на 5 лет ссылки в Казахстан; Соколов Н. А., Шипулин В. П., и Фиников Н. П. – на 3 года ссылки в Казахстан; Тюрнин К. А., Авениров П. К. и Неронов В. П. – на 3 года ИТЛ каждый.

Архиепископ Николай (Клементьев) и священник Николай Соколов ссылку отбывали в Тюлькубасском районе Южно-Казахстанской области (илл. 11). Архиепископ Николай был расстрелян 31 декабря 1937 г. в 24 часа. Священник Николай умер 10 апреля 1938 г. в Тюлькубасской районной больнице.⁵²

⁵² Архивная справка УФСБ по Вологодской области от 14.04.2015 за № 88/10/6.

Священномученик епископ Василий Кинешемский писал: «Чем сильнее человек духовно, тем большую тяжесть служения он берет на себя, тем усерднее он носит тяготы других, тем ниже ложится в здание общественной жизни. «Сильные, вниз!» При соблюдении этого правила наиболее крепкие духовно оказываются в основании, в фундаменте, а все беспомощное, слабое, легковесное – наверху. Постройка получается устойчивая и прочная». Такие священники, как Николай Соколов, – фундамент нашей Церкви. Они провели вверенное им Господом стадо через все испытания, вразумляя, просвещая, сплывшая, защищая его. Они сохранили Церковь, чаще всего ценой своей жизни, положив душу за паству свою.